

«На континент опустился железный занавес»

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ лет назад, 5 марта 1946 года, У. Черчилль произнес в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, свою знаменитую речь, из которой, по словам бывшего президента США Рональда Рейгана, не только родился современный Запад, но и мир на нашей планете. Неделей позже И.В. Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и за-

явил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР. Для всего мира эта мартовская неделя стала началом «холодной войны», а Фултон зарезервировал свое место в учебниках по истории – в одних как старт борьбы за свободную Европу, а в других – как место разжигания новой мировой войны. Сам Черчилль назовет эту речь самой важной во всей его карьере.

*ИЗ ИНТЕРВЬЮ И.В. СТАЛИНА ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» (14 МАРТА 1946 ГОДА)
О РЕЧИ ЧЕРЧИЛЛЯ В ФУЛТОНЕ*

ИЗ ФУЛТОНСКОЙ РЕЧИ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ 5 МАРТА 1946 ГОДА

<...> На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и её международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии – я не сомневаюсь, что и здесь тоже – питают глубокое чувство и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть её на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем её флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты – уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, – о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и фран-

цузских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется огромным и несправедливым посягательством на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее оно пойдет и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна. Мы не можем позволить себе – насколько это в наших силах – действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным и вряд ли кто бы то ни было сможет их поколебать. Если, однако, они будут разведены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа. <...>

<...> С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. Именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения. Нам нужно добиться

У. Черчилль и И.В. Сталин. Москва, 1942 год

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объяснив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляющие полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственная полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как

единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство. <...>

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности.

Господин Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь

1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. <...> Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

<...> Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Господин Черчилль иногда вспоминает в своих речах о «простых людях из небольших домов», по-барски похлопывая их по плечу и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у «простых людей», есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих «простых людей», заблуждались в Англии господина Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам. Это они, миллионы этих «простых людей», изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих «простых людей», испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Фото www.istoriya.ru

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Магия холодной войны

В МАРТЕ юбилей: 65 лет Фултонской речи Уинстона Черчилля, с которой ведется отсчет расставшейся на многие десятилетия эпохи холодной войны. Однако и с воспоминаниями о ней и с самим термином, похоже, пора прощаться: мир стал совсем другим.

Холодную войну хоронили многократно. Её торжественно заканчивали Горбачев и Рейган в 1988 году в Москве. Потом снова Горбачев, но уже с Бушем-старшим в 1989-м на Мальте. Опять Буш-старший с Ельциным в Кемп-Дэвиде в 1992-м. Ельцин и Клинтон в 1997-м в Хельсинки. Буш-младший и Путин в Кроуфорд в 2001-м. Они же в Москве в 2002-м. Они же в Кеннебанкпорте в 2007-м. И вновь они в Сочи в 2008-м. Последнее – за пять месяцев до казавшейся войны, которая отбросила (правда, ненадолго) атмосферу отношений Кремля и Белого дома к договорбачевским временам.

Наверняка можно вспомнить и другие, менее лапфонские декларации. Ну и, конечно, знаменитая фраза Джорджа Буша-старшего в ежегодном обращении к конгрессу в январе 1992 года: «Милостью Божьей Америка выиграла холодную войну». Собственно, это высказывание было установочным, поскольку расставило точки над и. Не Москва и Вашингтон по договоренности закончили противостояние, как полагали Горбачев и Ельцин. У войны, как и положено, был победитель. Во всяком случае, сама Америка таким себя ощущала, и практически никто тогда не ставил это под сомнение.

С тех пор прошло почти 20 лет. Но по-прежнему любящие трения между Москвой и западными столицами немедленно вызывают каскад комментариев журналистов и политиков о ментальности холодной войны, о возвращении её духа, возрождении противостояния и т.п. Почему же после стольких погребальных церемоний покойник никак не отправится окончательно в мир иной и не займет место в ряду прочих исторических явлений, представляющих интерес для исследователей, но не определяющих

поведение политиков? Конечно, можно говорить об инерции мышления, о грузе стереотипов и даже о сознательных политических спекуляциях. Но, кажется, причины глубже.

В советском кино был часто встречавшийся типаж – герой войны (Гражданской или Великой Отечественной), который, вернувшись к мирной жизни, не может найти свое место в запутанной системе взаимоотношений и с ностальгией вспоминает недавнее прошлое: «На фронте все было понятно – здесь свои, там враги. А тут...» То же и с холодной войной. Она обладает непреодолимым обаянием ясности конструкции.

Строго говоря, никакой войны, конечно, не было. Просто в 40-х – 80-х годах прошлого века в мире существовала устойчивая система международных отношений, которая базировалась на равновесии сил двух сверхдержав – СССР и США. Эта модель создавала напряжение, она сопровождалась локальными кризисами и региональными войнами разного масштаба, пробы сил между двумя главными странами иногда (редко) доходили до опасной черты, за которой возникал риск самоуничтожения, но никогда не пересекали её. Именно в тот период было создано и поставлено на вооружение уникальное оружие, не предназначенное для применения, – ядерное. Сам факт его наличия и понимание последствий использования играли дисциплинирующую роль. Оно сдерживало не только противника, но и самого обладателя, которому приходилось всегда иметь в виду, чем может закончиться любая авантюра.

Издержки холодной войны компенсировались одним большим преимуществом – концептуальной стройностью, следствием которой была немногочисленность наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется огромным и несправедливым посягательством на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

более высокая, чем до или после, способность управлять международными процессами. Биполярная система, в которой контроль над мировыми явлениями распределен между двумя центрами, оказалась более эффективной, чем другие возможные варианты – взаимодействие многих очагов влияния или гегемония одного супергосударства. Первая модель отсылает к XIX веку, воплотить в жизнь вторую попробовали после распада СССР.

Мир 1990-х и тем более 2000-х годов начал почти сразу развиваться ожидания и опровергать прогнозы, звучавшие на исходе минувшей эпохи. Все линии запутывались. Прежние линии противостояния исчезли, но на их месте начали возникать новые. Вакуум, образовавшийся на месте идеологии, заполнялся новым более архаичными формами сознания – религиями (прежде всего в мусульманском мире, но не только) и национализмом. Одно время казалось, что на смену конфликту Восток – Запад (в понимании холодной войны) идет глобальная конфронтация Север – Юг, развитый мир против неразвитого. Но по тому и это попало под сомнение, потому что обе стороны «противостояния» сами расслаиваются. Единого Севера не существует (как, впрочем, уже и единого Запада), а Юг представлен странами и группами стран, резко различающимися по своему экономическому положению и динамике, политическим моделям и устремлениям. Появление негосударственных игроков, наиболее «громкими» из которых стали транснациональные террористические сети, вносит в международную систему еще больший дисбаланс.

Вообще, глобализация, которая воспринималась как процесс исключительно позитивный, оборачивается и другими сторонами. Государства не могут отгородиться от влияния извне – как позитивного, так и негативного. Кроме того, в условиях открытых рынков западный мир, всегда добивавшийся свободы торговли и капитала,

сталкивается с конкуренцией быстро развивающихся держав, и непонятно, как противостоять напору Азии, не поступаясь принципами.

Чем сложнее мир, тем сильнее тяга к простым схемам. Когда выяснилось, что «концепция истории» (по Фрэнсису Фукуяме) не наступил, начался лихорадочный поиск других концептов, которые помогли бы структурировать происходящее. Академическая идея «столкновения цивилизаций» (автор Самуэль Хантингтон), сама по себе довольно бесспорная, на практике воплотилась в создании всемирной «контртеррористической коалиции» по лекалам администрации Джорджа Буша-младшего. Фактически это была попытка превратить «международный терроризм» в универсального врага, который заменил бы «советскую угрозу»

и сыграл бы консолидирующую роль, но теперь в глобальном масштабе. Не получилось, уж слишком нечетким оказался образ противника, размытым до такой степени, что невозможно даже дать этому самому международному терроризму устраивающее всех определение.

Следующий вариант, опробованный в середине 2000-х годов, был призван просто воссоздать картину холодной войны – биполярное противостояние, но на сей раз авторитарного капитализма, олицетворяемого Китаем и Россией, и капитализма либерального, то есть западного (основной автор идеи – неоконсервативный политолог Роберт Кейган). Модификацией такого подхода служила идея создания «Союза демократий» (горячий сторонник – Джон Маккейн), который был бы противопоставлен остальному миру. Впрочем, органическая невозможность применить такое деление человечества на практике была понятна с самого начала, хотя

бы по той причине, что на долю «автократов» приходится около трех четвертей мировых минеральных ресурсов, особенно углеводородов.

Сейчас все более заметно, как спектр поиска недостающего оппонента постепенно сужается, фокусируясь на Китае – второй экономические планеты по размеру ВВП, которой прочат превращение в первую в течение 15–20 лет. США и КНР связаны теснейшей экономической взаимозависимостью, и объективно конфронтация не нужна ни той, ни другой стороне. Строго говоря, её никто не хочет, но логика функционирования международной системы, которая постоянно стремится прийти в какое-то устойчивое состояние, толкает к росту подозрительности. Прежде всего со стороны нынешнего лидера – Америки в адрес гипотетического – Китая, даже если последний в реальности не собирается бросать вызов гегемону, о чем Пекин постоянно твердит.

Увеличение роли Китая в мировой политике, с одной стороны, напоминает движение в сторону привычной холодной войны, с другой – как раз означает окончательный уход в прошлое той системы координат, которая была задана эпохой 40-х – 80-х годов XX века.

До тех пор пока основной политической ареной оставалась Евро-Атлантика, инстинкты неизбежно возвращали к уже законченному противостоянию. Однако европейские дела превращаются во все более периферийные по мере того, как Старый Свет утрачивает ведущую роль в мировых процессах. Азия живет другими предиссториями. Иногда корни их уходят в куда более отдаленные исторические периоды, но фобии, типичные для холодной войны, Китаю и его соседям не свойственны. Не случайно Пекин принимал в ней лишь косвенное участие, руководствуясь собственной внутренней мотивацией и вовремя сменяв партнера, в результате чего оказался на стороне победителя. В Азии скорее уж можно говорить о незаконченной Второй мировой войне, слишком много конфликтов восходит к ней, и понятно, что логика поведения

государств будет не идеологической, а традиционной геополитической. И это тоже уход от парадигмы холодной войны, ведь в ней несущим элементом был конфликт идеологий, а оружием служили различные ценности. Сложился ценностный подход к большой политике еще провозглашается, но в реальности применяется все меньше.

Холодная война по-настоящему умрет тогда, когда её перестанут хоронить при всяком удобном случае. Иными словами, когда она не будет точкой отсчета. Президентство Барака Обамы показывает, что это возможно – он лучше многих американских политиков понимает, насколько изменился мир и насколько не применимы рецепты 30-летней давности. А згодно и тот факт, что невозможно бесконечно праздновать победу в противостоянии с «советским монстром», ссылаясь на неё как на источник универсальной правоты и легитимности. Параллельный процесс заметен и в России, где распад СССР постепенно перестает служить нератором политического вдохновения и для его поклонников, и для его противников. Здравый смысл подсказывает, что прежнего уже не вернуть, а грядущее настолько непредсказуемо, что надо срочно избавляться от любых шор, ограничивающих способность гибко реагировать на новые обстоятельства.

Рецидивы возможны, например, в случае прихода к власти в Вашингтоне после Обамы какой-то версии неоконсерватива, но они будут кратковременными, потому что холодная война действительно ушла в историю и её больше не будет. Как, восторженнее всего, вообще не будет никаких простых схем, которые позволили бы лидерам и народам комфортно расположиться в устойчивой внешней рамке. А ветеранам идеологических битв останется только собираться на конференциях и вспоминать о том, что по сути, они делали общее дело, и сокрушаться: ну были же времена...

Черчилль породил холодную войну. Похоронить её никак не удается вот уже 65 лет

Журнал «Огонёк». Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» – специально для «Огонька»